

РУССКАЯ КЛАССИКА

Борис
ВАСИЛЬЕВ

Завтра была война

Романы. Повести

Москва

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В19

Оформление серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использована работа
художника *К. Петрова-Водкина*

Васильев, Борис Львович.

В19 Завтра была война : романы, повести / Борис Васильев. — М. : Издательство «Э», 2016. — 640 с. — (Русская классика).

ISBN 978-5-699-44347-5

Б. Васильев (1924—2013), сам прошедший полями сражений, рассказывает о войне открыто и реалистично. Писателя прежде всего интересуют проблемы любви, верности, нравственного долга и искреннего чувства в их противостоянии цинизму, шкурничеству, официозу, буквоедству как во время войны, так и в мирные годы. Фильмы по его сценариям стали культовыми, а его прозой по-прежнему зачитываются миллионы читателей. В автобиографической повести «Летят мои кони» автор раскрывает психологию во многом типичного для поколения Васильева соотечественника неоднозначной эпохи.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-44347-5

© Васильев Б. Л., наследник, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Побесму

СУД ДА ДЕЛО

СКУЛОВ

— **Д**вадцать восьмого сентября сего года гражданин Скулов Антон Филимонович, тысяча девятьсот двадцатого года рождения, русский, ранее не судимый, участник войны, имеющий фронтовую инвалидность, проживающий в лично ему принадлежащем доме по Заовражной улице, семнадцать...

Монотонный приевшийся голос следователя гулко отдавался от каменных стен, забранного решеткой, навечно замазанного оконца, цементного пола и тяжелой, обитой железом двери, и Скулов привычно не воспринимал слов. Он неподвижно сидел на холодном, влитом в бетон железном стуле и думал о том, чтобы не качаться, хотя ему очень хотелось качаться взад и вперед в такт монотонному чтению. Так всегда качался тренер киевской футбольной команды «Динамо» Лобановский. А Скулов когда-то — давным-давно, ох как давно! — болел за киевлян и старался смотреть по телевизору все матчи. Но следователь раздражался, когда Скулов начинал раскачиваться, и Антон Филимонович не хотел огорчать его в последнее — он знал, что оно последнее, — свидание.

— ...выстрелом в упор из охотничьего ружья шестнадцатого калибра убил гражданина Вешнева Эдуарда Аркадьевича. Означенный гражданин Вешнев скончался на месте преступления.

Скончался означенный. А мог и не означенный: все они что-то орали тогда. А он стрелял четыре раза, и этот выстрел

был последним. Только бы не закачаться. Почему же — означенный?

— Короче говоря, вы, Антон Филимонович, обвиняетесь в умышленном убийстве без отягчающих обстоятельств согласно статье сто три УК РСФСР. Осознаете?

— Где подписать?

— Да вы уже сознались в преступлении, сознались, потом подпишете. Я спрашиваю, осознаете ли всю тяжесть содеянного?

— Убил, не отрицаю.

Следователь был молод — первое серьезное дело! — не растратился еще, не привык и возмутился:

— С олимпийским спокойствием, так, да? С олимпийским спокойствием!

— Не отрицаю, убил, — ясно, безо всяких интонаций повторил Скулов, но закачался.

— Ну, хорошо, прочитайте и распишитесь, — вяло вздохнул следователь. — Ему десять лет в решетку светит, а он знай себе качается.

Скулов подписал, не читая. Расслышал слова, усилием заставил себя замереть, а потому и ручку клал медленно, будто в кино.

— Упорный вы, гражданин Скулов, упорный. Принципиально не читаете, принципиально от защиты отказываетесь, а непохоже, чтобы осознали. — Следователь убрал все бумаги, завязал тесемки на папках, но уходить не торопился и конвой не вызывал. — Следствие закончено, но признаюсь, сильно на вас удивляюсь, Антон Филимонович. Возраст у вас — аюшки, а если крутанут вам полную десятку, на что рассчитываете? Помереть в колонии? Глупо. Я с вами не как следователь, я по-человечески хочу, понимаете? У меня оба деда в войну погибли, я без стариков рос, может, потому психологически душа ваша для меня — терра инкогнита. Ну, застрелили, тяжкое преступление, но ведь сколько вариантов, а? Тут и превышение пределов необходимой обороны, статья сто пять, и состояние сильного нервного волнения, статья сто четыре, да и простая неосторожность — статья сто шесть, наконец; вы же все отмени. Все, и поволокли на себя чистую сто три: умышленное убийство. Зачем?

Зачем?.. Скулов задумался, в себя заглянул и не заметил, как опять закачался. Молодой следователь, энергичный, хороший, наверно, парень, а двух вещей никак понять не хочет. Во-первых, жить-то зачем? А что, во-вторых, он на суде

скажет, если смягчать вздумают? А звучать будет так: три раза Скулов в воздух стрелял, четвертый — в него. В означенного. И если бы промахнулся, снова бы перезарядил, а все равно бы в него. И тогда бы уж дуплетом. Тогда бы уж — залп. Вот на суде этот залп и гроыхнет, а следователь о статьях толкует.

— Это я вам, гражданин Скулов, к тому говорю, что если рассчитываете разжалобить, так не надейтесь. Все решают факты. Так что проникнитесь...

Проникнитесь. Нелепое слово. Проникновение — это понятно. Или — проникающее. Проникающее ранение... И чего ребенка тогда не взяли, чего испугались? Все-таки за могилой бы ухаживал, а так пропадет могилка. И место пропадет, не лежать ему рядом. А коли так — пусть побольше. Пусть полную катушку, как следователь выражается. Чтобы уйти и не вернуться.

А как же Аня?..

Скулов все сильнее и сильнее раскачивался на неподвижном стуле, уже не только не слушая, но ни слова не слыша, о чем там говорит следователь, а мечтая лишь, чтобы отпустил он его поскорее. Чтобы вернуться в свою камеру, сесть на табурет, качаться и вспоминать. Вспоминать об Ане и о себе, и опять об Ане, все время об Ане, с первого дня, с первого часа их знакомства и до последнего мига ее жизни. Больше ничего не осталось: ни сожаления, ни жалости, ни страха — только эти воспоминания, в которые никто, ни один человек не мог проникнуть. Это было его царство, его земля обетованная, его бесконечная, каждый раз по-новому, по-особому проживаемая жизнь.

— ...Фронтоник, ордена вон. Это как понять все, Антон Филимонович? Я постичь хочу вашу психологию: человек в войну жизни своей не щадил, а тут взял да и застрелил. Вы же за него, за этого парня, кровь проливали, а что получилось? Как мне понять? А я хочу понять, гражданин Скулов, хочу вникнуть: может, я что-то недоучитываю как следователь, недопонимаю как молодой работник. Подскажите, помогите. Себя не жалеете, так хоть мне помогите...

«Помогите! Помогите!..» — это он кричал, и опять крик этот, стократно усиленный прожитым, ворвался в его память, высветив все до мельчайших подробностей. Мокрую весну, мокрый лес с вывороченными стволами, изломанными сучьями — марсианский какой-то лес без ветвей и листьев. И он — с перебитой ногой, которая волочилась за ним

по перепаханной танками поляне... Нет, уже не волочилась: Аня отрезала ее ножом, чтобы не волочилась, потому что сама его волокла. «Миленкий, потерпи, родименький, вот только через поляночку». А тут — минный налет, вой, скрежет, и ее теплое тело на нем, грудь к груди, лицо к лицу, будто в жаркой любви, а не в бою. «Не бойся, миленкий, они мимо все, мимо...» И забилась вдруг, без вскрика забилась, молча приняв в себя все осколки, что им двоим немцы предназначили. И отяжелела, обмякла, а он кричал: «Ты что, сестренка, ты что?..» И сквозь гимнастерку, сквозь белье, сквозь грохот и бой, и время, и судьбу — сквозь все до сегодняшнего мгновения кровь ее просочилась. Теплая, родная: он всем телом ощутил ее тогда и запомнил. И закричал: «Помогите!» — не себе помощи прося — ей.

Помогли.

— ...Вернулись вы с боевыми заслугами, с тяжким ранением, только не домой вы вернулись, гражданин Скулов. А поехали из госпиталя в город Сызрань и жили там на вокзале, пока из тамошнего госпиталя не выписали вашу фронттовую подругу Ефремову Анну Свиридовну. И тут вы не к законной семье поехали, а вместе с гражданкой Ефремовой к ее брату в наш город. Да что это я вам вашу биографию рассказываю! Я просто понять хочу: любовь? А чего тогда с прежней женой не развелись? Почему с новой брак не зарегистрировали? Все вопросы. Столько в вашей жизни вопросов скопилось — пять лет разбираться надо. Ну, к примеру, почему же насчет брака, а?

Почему? Аня запретила, вот почему: «Не сироти детей, Тоша. Своих у нас не будет, знаешь, вырезанная я вся, а потому не сироти. Надоем, другую встретишь — слова не скажу: то — твоя воля. А дети не твоя воля, а твоя доля, Тошенька...» Вот потому и со старой не развелся, и с новой не расписался.

— ...Я официально своего коллегу уполномочил допросить вашу законную супругу по месту ее жительства для более полного освещения вашей характеристики. Но мне лично интересно знать, почему ваша законная жена тоже не ставила вопрос...

— Устал я, — резко сказал Скулов: невыносим ему был разговор о жене, бывшей жене, хоть и законной. — Устал, нога мозжит, в камеру хочу.

— Я же понять пытался, — расстроено вздохнул следователь. — Последняя возможность...

И вызвал конвой.

СЛЕДОВАТЕЛЬ

— А вы что пьете? Ничего? Ну не может быть! Ну тогда бутылку шампанского, — сказал следователь, лихорадочно соображая, хватит ли у него денег. — Шампанское заморозьте!

Последние слова он прокричал на весь ресторан, с шумом, тут же быстро зыркнув на корреспондентку. Но корреспондентка рассеянно оглядывала зал, чуть приоткрыв пухлые подкрашенные губки. «Ох и целуется, поди! — восторженно подумал он. — Неужто в номер не пригласит? Говорить надо, говорить, чего замолк, дубина деревенская?...»

— С утомления даже врачи иногда рекомендуют. А вообще, конечно, в моей следственной практике алкоголь такая деталь, что...

Московская корреспондентка отодвинула стул и положила ногу на ногу. Широкая юбка, спадая тяжелыми складками, обтянула бедро; следователь поперхнулся: «Черт возьми, ну и ножки! А все-таки хорошо, что она в юбке. И юбка — как колокольчик. И блузка на ней — ну, сила, ну, приоделась. Может, для встречи, для меня, может?.. Ну дурак буду, если такую упущу. Нет, говорить надо, рассказывать. Может, тот случай? Пикантно и с намеком».

— Да, алкоголь исключительно влияет на некоторые сферы, — откашлявшись, начал он. — Прошлой весной, к примеру, под Первое мая двое юнцов подпоили девушку и воспользовались ее беспомощным состоянием.

— Ну и как же это они воспользовались? — лениво спросила корреспондентка.

— Как? Что значит — как? Изнасилование. Статья сто семнадцатая УК РСФСР.

— Что вы говорите! — Девушка улыбнулась, всплеснув руками. — Она долго отбивалась, пострадавшая невинность ваша?

— В том-то и дело, что алкоголь.

— Вся в синяках и платье в лоскуты?.. Тоже мне, следователь. Да женщина бывает пьяной только тогда, когда сама этого хочет; эта аксиома вам известна?

Ленивый и в то же время покровительственный цинизм москвички больно бил по мужскому самолюбию, но следователь никак не мог преодолеть провинциального комплекса, тихо потел, заранее мучился бессилием и изо всех сил боролся с желанием удрать. Он редко бывал в ресторанах, а

если и случалось, то в тени, за спиной умелого организатора, ограничиваясь участием в пиршестве да платежах. Официант, исчезнув, не появлялся, и следовательно не знал, надо его звать или так положено; скатерть была мятой, в пятнах и крошках, и он гадал: в какой момент на это следует указать и не упустил ли он этот момент? Эти беспокойства рассеивали внимание, мешали сосредоточиться на том, ради чего он и пришел сюда, сковывали не только его самого, но и его язык, который вообще-то был неплохо подвешен.

— Может, чего желаете?

Это прозвучало так беспомощно, что гостя впервые посмотрела на него с мягким женским пониманием.

— Да не суетитесь вы, все нормально. Отдохнем, расслабитесь, и поговорим.

— Безусловно. — Он жалко улыбнулся, ненавидя себя за эту улыбку. — Знаете, переутомился. Целый день с убийцей. Ну, со Скуловым этим, который вас интересуется.

Корреспондентка положила ладонь на его руку.

— Все будет о'кей, верьте мне. И о Скулове поговорим, и об убийстве, и вообще.

«Вообще? Что — вообще? Намекает? А если болтает просто или манера такая?.. И что значит — расслабьтесь? Ведет себя будто старшая, а сама лет на десять младше. Не-ет, с такими ухо остро держать надо, а то враз дурака сделают...»

— Да не бойтесь вы меня. — Она словно читала его мысли. — Ну, хотите, я вами покомандую, пока вы в себя не придете? Годится?

— Годится, — с облегчением вздохнул он и осторожно промокнул платком взмокший лоб.

— Учтите, что я — корреспондент и поэтому всегда на работе. Следовательно, здесь пьем только соки и минералку. Шампанское — в номер, под него и поговорим. Танцуете?

— Вообще-то...

— Не вообще, а конкретно?

— Конкретно нет, — сказал следователь, хотя танцевать уметь и любил, но боялся, что не то любил и не так уметь.

— Не ревнуйте, когда меня начнут приглашать. — Она улыбнулась. — Меня всегда приглашают, чувствуют, что я — современная. А вы чувствуете?

— От вас флюиды, знаете... — Он опять промокнул лоб сложенным вчетверо платком: будто пресс-папье прокатил. — Как фонтан.

— Ого! — Она вскинула голову и прищурилась. — Кажется, помаленьку приходим в себя, а?

Наконец появился официант. Встряхнул скатерть, в который уж раз застилая ее наизнанку, что только увеличило количество пятен. Принес закуску, какая сыскалась, воду, шампанское, виноградный сок. Следователь тотчас же налил его, пробормотал: «За наше знакомство!» — и поспешно выпил, надеясь исполнить рекомендацию московской госты и расслабиться. Сделать этого ему, однако, не удалось, но некую мертвую точку он все же преодолел, и вечер наконец-таки начался. Следователь бормотал дежурные комплименты, промокал лоб и уговаривал выпить шампанское здесь.

— Ну надо же, а? За знакомство и вообще. А?

Корреспондентка смеялась, закидывая голову, и следователь начинал судорожно вытирать пот. С каждой минутой его собеседница становилась все соблазнительнее, а когда начал играть оркестр, ее и в самом деле наперебой вытаскивали танцевать. Следователь цепко смотрел, как ловко она скачет, пламенел еще больше и с надеждой поглядывал на шампанское, которое он гордо приказал заморозить и которое, естественно, никто замораживать не стал.

Все-таки она вытащила его на первом же «белом» танце. Он хорошо чувствовал ритм, но все время думал, как бы полвчее дернуться, взмахнуть рукой или лихо прищелкнуть пальцами, и это лишало его естественности. Да еще на ногах гирями висели неуклюжие сапоги с суконным верхом и обрезиненной подошвой, давно именуемые «прощай молодость». Дома были вполне современные, но он же не думал утром, что угодит в ресторан; он шел в следственный изолятор, в сырые, холодные казематы с бетонными полами, от которых у него начинали отчаянно ныть застуженные на зимней рыбалке ноги. И он всегда надевал в тюрьму эти коты, и они спасали его, но скакать в них под современные ритмы оказалось совсем нелегко. Все сегодня было против него, все наваливалось, стесняло, осложняло и утяжеляло; иными словами, все обостряло и без того достаточно ощутимый им комплекс неполноценности. А партнерша то взлетала, как птица, то изгибалась, как змея, и широченная юбка металась, как парус на ветру.

— Ну все, сматываемся, — объявила она после этого бешеного танца. — На меня глаз положили, пора отрываться. Расплачивайтесь, и двинем.

Он не знал, полагается ему проверять счет или это не принято. Внутренне он физически ощущал, сколько у него денег и где они лежат, и до ужаса боялся, а вдруг не хватит. И косил глазами, когда официант бегал карандашиком по бумажке, стремясь усечь итоговую сумму. А когда усек, вздохнул с облегчением.

— Перепрыгали, что ли? — удивилась гостя.

— Есть немного, — согласился он. — Все, знаете, дела. Практики танцевальной маловато.

На радостях он отвалил пятерку «на чай», а потом долго маялся, что много. И не столько ему было жалко денег, сколько совестно перед официантом, взгляд которого уловил, а уважения в нем не почувствовал. Да что там уважения: презрением облили, как из шланга. И он волок на себе это холуйское пренебрежение за чрезмерные чаевые, и ощущение потливого бессилия уже не покидало его. А тут еще приходилось подниматься по лестнице на шестой этаж, прятаться в углах и бесшумно перебегать по знакам опытной девицы, ибо горничные, талантливо рассаженные в пунктах наилучшей обзорности, из всех своих обязанностей с рвением исполняли лишь одну: следили, кто когда и с кем пришел в свой номер. И следовательно взмок и выдохся, пока мышью юркнул к корреспондентке.

— Идиотская у вас гостиница, — шепотом сказала она, беззвучно повернув ключ. — Все просматривается, как на стадионе.

Провела в комнату, усадила в кресло. Закрыв дверь в тамбур, осмелела и говорила почти нормальным голосом:

— Снимайте пиджак, галстук, а главное, расслабьтесь. Я только душ приму: перепрыгала.

Ловко выхватив что-то из шкафа, москвичка исчезла в ванной, откуда тотчас же послышался тугой шум душа. А следовательно пиджак снять не решился, потому что носил подтяжки и считал, что показывать их неудобно. Галстук он все же ослабил и расстегнул промокший ворот рубашки, но облегчения не почувствовал, поскольку в голове в разных вариантах вертелась одна и та же мысль: ох, напрасно! «А вдруг нагишом выскочит? — уже почти с ужасом думалось ему. — Сама же сказала, что современная, знаем мы этих современных. Выйдет после душа в чем мама родила, хватанет шампанского, намекнет, а мне что делать?»

Следовательно решил было немедленно уйти, пока хозяйка заманчиво повизгивала в ванной. Но успел только затянуть

галстук, и тут вышла корреспондентка в коротком, отчаянной смелости халатике, в шлепанцах и в нейлоновом чепчике, с которого капала вода. На свежем, очень радостном лице ее не было никакой косметики, и поэтому вся она казалась куда моложе и куда недоступнее.

— Что это вы будто на приеме? — Она плюхнулась в кресло, нимало не заботясь, что полы халатика распахнулись. — Уф, обожаю ледяной душ! Сейчас выпьем, и вы расскажете это дельце с убийством допризывника в день проводов в армию.

— Ну нельзя сказать, что допризывника, и вовсе не в день проводов, и вообще окончательно решать будет суд, — забормотал он, стараясь не глядеть на белые колени. — Формально следствие закончено, но еще не закрыто, поскольку я еще не оформил...

— Да будет вам, — безмятежно перебила она, стянула мокрый чепчик, тряхнула головой, рассыпая волосы по плечам. — Журналистику не сенсации интересуют, а проблемы, и моя первая крупная публикация должна быть взрывной.

— Но так же нельзя: рассказывать до завершения...

— Открывайте шампанское, Шерлок Холмс!

Он послушно открыл шампанское — слава богу, не облил ничего, — налил, чтобы пена поднялась шапкой, сказал: «За вас!» — а подумал: «Ну до чего же соблазнительная баба!»

— Ну? — нетерпеливо сказала она. — Давайте выпьем и — к рассказу. С подробностями и деталями.

— Успеем с деталями, — ненатурально засмеялся он. — За нашу встречу.

А сам думал: «Не так надо, не так! Надо на брудершафт предложить, губы ее поймать и рукой... А она — по морде. Может случиться такой вариант? Вполне. В Москве, поди, ни на какие брудершафты не пьют, уж забыли, как пить-то на этот брудершафт. Нет, говорить придется, а там видно будет, говорить...»

— И выстрелил в упор? — деловито выпытывала она. — Значит, из-за цветочка, который уходящий в армию Ромео хотел преподнести своей Джульетте, старик всадил в него пулю?

— Ну зачем же. Мотивы поступка потерпевшего не расследовались, и мы не можем утверждать...

— Но какая деталь: убийство из-за цветка. Потрясающе! И — ни тени раскаяния?